

Поздняяев Константин

Лит. Россия 1982, 1 окт.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Памятливая любовь

«НА СТАЛЬНОЙ земле Магнитостроя» — третья книга Константина Поздняяева. Как и две предыдущие — «Утверждение» (об Алексее Недогонове) и «Продолжение жизни» (о Борисе Корнилове), она тоже посвящена поэту, чье творческое становление началось на начало тридцатых годов, — Борису Ручьеву.

Поздняяев пишет о тех, кого знал лично, с кем судьба свела его еще в молодости, кого до сих пор он помнит и любит.

Вот эта-то память любовь проявляется не только в интонации книги, но и в ее композиции, и в ее жанровом синтезе.

Книга о Б. Ручьеве не монография в привычном понимании, ибо здесь изложение биографии поэта, анализ его произведений соседствуют и с мемуарами автора-критика, и с его эссеистикой: тут же и выдержки из рецензий, и даже эпистолярный жанр — письма Б. Ручьева к К. Поздняяеву.

Права «любви и дружества» позволяют исследователю, например, в начальной главе «В те далекие, тридцатые...» обстоятельно рассказать о «времени и о себе», о том, что он лично узнал и почувствовал на Первых Всесоюзных курсах комсомольских писателей, проходивших в 1934 году в Малеевке, где он и встретился впервые с героем своей теперешней книги, а после этого добавить: «Такое чувство испытывал и Борис Ручьев». Не всякий критик отважится на подобную уверенность,

но автор и его герой — люди одного склада и одного поколения. Представители этого поколения при всех их индивидуальных и творческих различиях часто и охотно говорили — «мы» и не сомневались в истинности и искренности таких утверждений от «множественного числа первого лица».

Книгу не назовешь объективной. Автор явно пристрастен к герою, да он и не скрывает своего отношения к поэту, своей влюбленности в его стихи.

Нарочитая субъективность — одно из отличительных свойств книги. Но при этом К. Поздняяев не стремится представить творчество Б. Ручьева (особенно начальный его период) лишенным слабостей. Не спрямляет он и судьбу поэта, говорит и о трудностях в его жизни.

Еще одна черта стиля автора — тщательная скрупулезность. Он чрезвычайно пристально рассматривает все, вплоть до мелочей, и даже особенно пристально порой именно мелочи, детали, нюансы, неприметные на первый взгляд и потому кажущиеся несущественными. Так, например, он подробнейшим образом анализирует стихотворения, которые сам поэт считал неудачными и не включал в свои сборники. Но, оказывается, и разбор таких произведений тоже продуктивен. Исследователь

стремится выяснить, почему Ручьев был недоволен этими стихами, и приходит к выводу, что они вторичны, подражательны. В то время Ручьев, что называется, «искал себя» и, как это часто бывает с молодыми авторами, порою находил себя в других. Такие поиски, как правило, не проходят даром: человек не только обретает свой голос, но и приучается вслушиваться в чужие голоса и, более того, овладевает искусством реминисценций. К. Поздняяев на примерах из классики убедительно, по-моему, показывает значимость подобных «переключек» в стихах.

«История литературы, — пишет он, — знает немало подобных случаев. Вот некоторые из них:

А. Пушкин: «Прощай, свободная стихия»; М. Лермонтов: «Прощай, немытая Россия».

М. Лермонтов: «Дух отрицанья, дух сомненья»; Н. Некрасов: «Нет отрицанья, нет сомненья».

Е. Баратынский: «Весна, Весна! Как воздух чист!»; А. Блок: «Весна, весна; как воздух пуст...».

А. Блок: «Валентина, звезда, мечтатель! Как поют твои соловьи...»; Я. Смеляков: «Валентина Аркадьевна, Валенька, Валя. Как поют, как сияют твои соловьи!».

Такую же переключку обнаруживает автор книги в поздних, зрелых произведениях Б. Ручьева.

«Ручьев понимал, — утверждает К. Поздняяев, — что до-

статочно использовать из известного стихотворения другого автора всего лишь один какой-то оборот речи или один запомнившийся ритмический ход, и это уже импульс и толчок, чтобы у читателей (если не у всех, то у многих) возникли те ассоциации, которые желательны у них вызвать».

Так тщательная скрупулезность помогла К. Поздняяеву обнаружить то, что другие исследователи не заметили. Но иногда то же стремление к обстоятельной пунктуальности заставляет автора отвлекаться на комментарии, не имеющие прямого отношения к теме его работы. Так, в главе «Позиция поэта и его слово» он затевает долгую полемику с В. Астафьевым, В. Беловым, В. Катаевым и В. Распутиным. Дело в том, что они выступили в альманахе «День поэзии 1979» и некоторые их высказывания показали критику не то чтоб неверными, но неполными, не всеобъемлющими.

Да и мудро этим высказываниям быть всеобъемлющими, ведь известные прозаики отвечали на анкету, предложенную редакцией альманаха. Каждый ответ — это полторы-две машинописные странички, — конечно же, не постановочные или проблемные статьи, а всего лишь свидетельство о личном вкусе, о личных привязанностях и симпатиях. И полемика тут кажется мне необоснованной, неуместной в данном случае и длительный разбор этих высказываний, и подробное объяснение их неполноты, а заключительный вывод о необходимости оградить поэта

«от упреков в риторизме» явно не оправдан, поскольку никто Б. Ручьева в этом не упрекал.

Зато когда исследователь с той же тщательностью и обстоятельностью начинает анализировать творчество поэта, в частности наиболее популярную из его поэм — «Любаву», то тут кропотливый разбор текста, умение читать, что называется, «по-строично» и «по-словно» позволяют ему дать собственную трактовку произведения. Трактовку хоть принципиально и не расходящуюся с предшествующими версиями, но в некоторых аспектах — например в социальном — более детальную.

Те же тщательность и пунктуальность становятся союзниками автора и в том случае, когда он выступает как библиограф (я уже говорил, что книга многожанровая и, помимо глав литературоведческих, мемуарных, эссеистских, есть в ней и библиографическая глава — «Ручьев и писательская газета»). Речь здесь идет о связях поэта с газетой «Литература и жизнь», а позже с еженедельником «Литературная Россия», главным редактором которого в течение многих лет был автор книги.

Эта книга — естественный итог долгого сотрудничества и долгого содружества К. Поздняяева со своим героем. А потому и закончить рецензию на книгу о поэте хотелось бы стихами:

Да будем мы к своим друзьям пристрастны!
Да будем думать,
что они прекрасны!
Евг. СЕРГЕЕВ

Константин Поздняяев, «На стальной земле Магнитостроя». Издательство «Современник». 1982. 272 стр. 55 коп.